

Ольга Яблочкина

Я хочу вернуться туда...

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Яблочкина О.

Я хочу вернуться туда... / О. Яблочкина — «ЛитРес: Самиздат»,
2017

Начало совместного бизнеса, как и начало взрослой жизни, всегда сложно, а если уж и в другой стране, то сложно втройне. Сможет ли бизнес и утонченная красавица разрушить эту дружбу? Это продолжение рассказа о приключениях двух друзей ("В другой стране").

– И это, по-твоему, красный?

Громогласно произнесенные слова заполнили если не все, то две трети помещения уж точно, после чего были десятикратно увеличены по громкости и по времени эхом, создаваемым пустыми стенами. Красноватый свет заходящего солнца, которого, впрочем, уже нельзя было увидеть из-за многочисленных высотных зданий, подпирающих само небо, заполнял наполовину серое, наполовину свежеразкрашенное помещение. Лето было в самом разгаре, и день, независимо от желаний трудяг и лентяев, был долог, а солнце вот уже вторую неделю старалось растопить не только Нью-Йорк, но и все близлежащие города.

– Я тут целый день наслаждаюсь запахом дешевой краски, и ты приносишь мне еще одну банку зеленой краски, которой у нас и так хоть на продажу выставляй, сам при этом утверждая, что это красный цвет? Или твои знания языка не позволяют отличать цвета? Ким Чонсу, ты меня слышишь?

Объект громкого возмущения стоял посреди помещения, обреченно опустив руки вдоль тела и еле удерживаясь от того, чтобы зажмурить глаза. В данный момент это пригодились бы, чтобы не видеть рассерженного вконец и перепачканного краской друга. Если он, конечно, еще считал себя его другом.

– Слышу, – тихо ответил Чонсу.

– Так почему ты...

Он вдруг закашлялся, судорожно глотая воздух. Глаза стали бессмысленными, рука так и прижималась к груди. Чонсу подбежал к другу, вовсе не представляя, что нужно сделать, чтобы помочь. Только если по спине похлопать... Еще через несколько секунд приступ кашля кончился.

– Минкё, ты в порядке? – на всякий случай спросил Чонсу.

– Да, в полнейшем. По мне ведь это прекрасно видно.

– Иронизируешь?

– В точку. Ладно, на сегодня рабочий день окончен. Пойдем перекусим, что ли...

После дополнительных нескольких пререканий друзья все-таки отправились в привычное место, вроде как недорогое и в то же время достаточно качественное, насколько это было возможно за такую малую цену. Такие потасовки обычно и заканчивались этим привычным местом, с заветной кухни которого доносились вкусные запахи. «Прям как молодожены», – как-то раз выразился о таких стычках Минкё. Потасовки эти были далеко не в новинку, продолжаясь уже около месяца, с тех пор, как помещение на 8 Авеню, 22, что на Манхэттене, после долгих и тяжких трудов все-таки было выкуплено.

Было выкуплено... Немало трудностей пришлось преодолеть друзьям ради этого, стоит заметить. Собрав все имеющиеся и не совсем имеющиеся деньги, они пришли к неутешительному выводу, что этого совсем недостаточно. Тогда они доживали свою прежнюю жизнь и уже успели прийти к нерадостному выводу о том, что это и впрямь все давние детские мечты, которым не в силах помочь даже благодатные земли Нью-Йорка. Для осуществления своих планов кроме желания нужны деньги, как известно. Но в один прекрасный день на исходе весны, когда по телевидению передавали прогноз погоды о безоблачном небе до конца дня, а через пять минут на берег Манхэттена упали первые капли дождя, и воздух стал настолько холоден, что можно было бы подумать, что уже настала ранняя осень, а лето незаметно для глаз проскочило и исчезло где-то там, где исчезают все остальные времена года, Минкё, пропав на полдня для всего окружающего мира за исключением некоторых субъектов, появился на пороге кафе «Черный кофе и белый шоколад». Он изо всех сил старался сохранить невозмутимое и спокойное выражения лица, что удавалось ему с большим трудом, и, нет-нет, да и промелькнет самодовольная улыбка. «Я все уладил», – сказал он тогда Чонсу, как только тот освободился от трудовых официантских часов и подсел к нему за столик, наспех перекусывая. «Что именно?» – спросил Чонсу с набитым ртом, да так, что получилось едва похоже на нормальные слова. «С

завтрашнего дня это здание на 8 Авеню будет нашим». От таких новостей Чонсу даже забыл, что нужно дожевывать гамбургер, поэтому в тот момент напоминал хомячка с девянота девятью процентной точностью – так уж были надуты щеки. «Откуда ты достал деньги?» – задал он тогда вполне мотивированный вопрос, когда щеки, наконец, пришли в нормальное состояние. «В волшебном китайском краю», – полушепотом ответил Минкё. «Опять твои сказки...» – разочарованно отмахнулся Чонсу. «Нет, край этот реальный. И деньги тоже реальные. И товарищ Лу реальный». «Какой товарищ?». «Лу Чаошэн. В Чайнатауне известная личность. Он стал нашим... как бы это», – Минкё побарабанил пальцами по столу в поиске экономического термина. «Инвестором?» – подсказал Чонсу. «Именно. Инвестором». За этим последовала только сухая фраза Чонсу «Во что ты ввязался?..» и две противоречивых эмоции: радость от того, что наконец-то нашлись недостающие деньги, и недоумение и опасение от того, откуда эти деньги взялись. Интуиция неудавшегося юриста подсказывала что-то... это было еще не определить, но на то она и интуиция, чтобы было только безотчетное чувство чего-то неопределенного. Дождь все лил, будто все водные боги, американские ли, китайские ли решили одарить влагой именно этот город.

На следующий день требуемая сумма, состоящая и из накоплений Чонсу, и из доли Минкё, и из вклада некоего господина Лу Чаошэна, была внесена. Дело оставалось только за необходимыми бумагами и документами, которые Минкё успешно сгрузил на своего друга, и уже хотел исчезнуть куда-то по своим крайне важным делам, но... Было важно внимательно прочитать каждое слово, а знания английского у Чонсу улучшались с крайне медленной скоростью, поэтому Минкё пришлось переводить, с добавлениями ворчаний в адрес своего друга раз в пять минут. «Почему бы тебе на курсы языка не сходить?» – под конец недовольно сказал он. «Вчера ходил на первое занятие», – сказал тогда Чонсу. «Так, значит, у тебя еще деньги остались?» – тут же последовал вопрос. «Занятия не бесплатные...». Юристу, принесшему бумаги, необходимые для подписи, пришлось наблюдать интересную и долгую картину двух спорящих не на жизнь, а на последний гамбургер иностранцев. К концу этого спора ему уже стало казаться, что он понимает отдельные слова, и если бы спор этот продолжился еще с несколько часов, то, наверное, он выучил бы и язык.

Это можно было бы расценивать как первые разногласия на почве совместного предприятия, впоследствии повторявшиеся неоднократно и возникающие по большей части по поводу денег. Да, в средствах они действительно были ограничены, и сказать, что некий Лу Чаошэн раздаривал все необходимое нуждающимся, как волшебник из страны Оз, было бы только новой сказкой. Поэтому большую часть работ от выноса старых вещей, которые уже никак не могли бы пригодиться, до покраски стен приходилось выполнять самим, как бы ни не хотелось этого делать и как бы не болели мышцы на следующий день после перетаскивания из грузовика дешевых столиков, потому что на помощь грузчиков тоже нужны были деньги.

Многое пришлось пережить и перекрасить за это время, длившееся не так долго, но казавшееся двум друзьям целым веком. И если бы они не поддерживали друг друга, на время забыв о своих каждодневных спорах и пререканиях, то мало кто знает куда и на сколько бы это их завело. И вот оставалось так немного, всего лишь закончить выкрасить стену, для чего как раз и нужна была красная краска, послужившая поводом для последнего разногласия.

– Вообще, на самом деле, я просто банки перепутал, – прерывая продолжительное молчание, невнятно сказал Чонсу, дожевывая остатки сэндвича. В последнее время эта привычка начала портить ясность его речи. – Я так и сказал: красный, а он поставил передо мной несколько банок, вот я и перепутал.

– Да-да, я и не сомневался... – устало откликнулся Минкё, в который раз переставив солонку с места на место.

– Случайно, получилось совершенно случайно, – не успокаивался Чонсу, уже намереваясь съесть третий сэндвич.

– Да-да, – снова повторил Минкё. – Ты бы лучше завязывал с американским фастфудом. А то наберешь с десяток лишних килограммов ненароком. Как тебя прокормить-то можно будет?

– М?

– Еще и корейский забыл? Оставь свой сэндвич, говорю.

– До сих пор злишься? – резко сменил тему Чонсу, но сэндвич все же отложил.

– Как бы тебе мягко сказать... Да, мое бешенство перешло в раздражение, которое еще не успело превратиться в более менее сносное дружелюбие. Пойдет?

– Пойдет... – Чонсу многозначительно опустил голову, но вскоре остаточное чувство самоуважения заставило поднять ее вновь. – Хотя ты тоже хорош. Для чего эта красная краска была нужна? Чтобы твои ошибки размером с полтора пьенга* закрасить.

– А ты много обошел, наверное, да? Устал? – неожиданно сменил тему разговора и тон своей речи Минкё, чтобы, как и свой ляп на стене, закрасить упоминания о нем.

– Издеваешься? Или иронизируешь?

– Просто забочусь о своем тонсэне**.

– Заботишься, говоришь... – Чонсу усмехнулся. – Ладно, пойдем... хён***, – при этом слове он снова не сумел сдержать смехок, так как употреблял его всего крайне редко по отношению к другу. – Может, еще не все магазины закрылись.

Друзья вышли из-за столика, за которым им счастливилось заедать свои споры чаще всего, тот, около самого окна, через которое можно было увидеть вечно загруженную дорогу. Счет, как всегда честно разделенный пополам, был ни больше и ни меньше требуемого, подсчитан ровно до цента, и на чаевые никак не расположен.

Солнце уже село, давая городским огням полную свободу освещения. Слева, справа... отовсюду можно было услышать отголоски музыки, телевизионных передач и просто телефонных разговоров. Этот город никогда не спит, и порой нет-нет, да и вспомнишь те тихие, аккуратные, уютные улочки родного городка, тот бар, где они проводили так много времени, того Окхи, бармена, говорившего много и не всегда по делу. Иногда хотелось вернуться в Кванчжу хотя бы на денек. Хотя неуловимые секунды сливались в протекающие часы, соединяющиеся в дни, и такое желание возникало все реже, реже... Теперь у них было помещение, которое нужно было докрасить и доделать, которому нужно было дать достойное заманчивое имя и, конечно же, в срок, иначе договор с Лу Чаошэнем не будет выполнен, а что кроется за этим формальным выражением, Минкё загадочно умалчивал, а Чонсу не хотел спрашивать – лучше спать спокойно. Если будет несколько свободных часов, конечно.

На сей раз краска была куплена та, что и была нужна, а в придачу еще несколько нужных и не совсем вещей. Отделка заняла много времени и отняла так же много сил. Оставалась только докупить нужную мебель, а за этим дело не застоит.

– Сегодня пойдешь работать? – спросил Минкё, когда они уже подходили обратно к своему и только своему помещению, небольшому двухэтажному, общей площадью в сто одиннадцать пьенг. Покупки, уложенные в пакеты и коробки, оттягивали руки, так что еще немного и можно было достать ими до луны, в этот вечер похожей на бледную усталую девушку.

– Придется. Должен ведь кто-то оплачивать все вот это. – Чонсу немного поднял коробку в качестве демонстрации своих невеселых слов.

– Можно подумать, ты один деньги приносишь, – прошипел Минкё.

– Ладно-ладно, забудь.

– Как уж тут забыть...

Так подошел к концу еще один день, такой же, как и десяток предыдущих, с бесконечными спорами и непременно следующими за ними примирениями, со всем тем, с чем и привыкли жить друзья эти несколько недель. За это время Минкё привык оставаться в этом здании на ночь и чаще всего один – его друг почти всегда продолжал работать в том кафе. Сам Минкё

тоже продолжал редактирование статей для «Фриланс Репортер», но работа эта, как и сам заработок соответственно, была сокращена руководством до минимума. Тем лучше для него, пожав плечами, решил Минкё. Останется больше свободного времени для оформления помещения. Благо, когда-то в детстве он ходил в школьный клуб манхвы****. Правда, его выгнали оттуда за некоторые... своеволия в рисунках, если можно так выразиться. Но это было уже давно забытым делом, теперь не имеющим никакого значения кроме того только, что теперь стены помещения и стекла окон кое-где были украшены рисунками, которые можно было бы воспринять как отдельные кадры манхвы. Если задействовать воображение, конечно. И вот теперь, в этот прохладный в некоторых отношениях вечер, в который можно было бы заняться тысячей и одним делом, от зарабатывания центов в центральном парке с помощью гитары до бесконечных танцев в клубах, Минкё принялся закрашивать свой испорченный рисунок или «творческую неудачу», как он сам сказал.

Одинокая луна на пустом небе смотрела в пустое помещение на такого же одинокого Минкё, водившего кистью по стене.

*пъенг – мера площади, 3,306 кв. м.

**тонсэн – младший брат

***хён – старший брат, а также более старший юноша или мужчина для парня

****манхва – корейский комикс

Бледная луна освещала дорогу к кафе своим холодным светом, освещала не хуже, чем фонари, стоящие вдоль дороги, и все предметы, здания, деревья, люди начинали казаться прозрачными вслед за ней.

Каждый вечер Чонсу шел по этой дороге среди пестрой толпы прохожих, вдоль стройных рядов деревьев, подсвечиваемых фонарями, мимо ярко освещенных витрин магазинов одежды и техники. Каждый вечер дорогу освещала эта одинокая бледная красавица, будь она только нарождающейся или уже убывающей. Каждый вечер со дня их приобретения помещения на 8 Авеню. Распорядок этот нарушался крайне редко, и чаще всего Чонсу оставлял своего друга одного на всю ночь в этом самом помещении. Одного, если верить его заверениям и причитаниям, конечно. Он мог бы поклясться, что как-то раз, возвращаясь под утро со своей работы, не отличающейся заработком и разнообразием, видел быстро удаляющийся силуэт, вышедший из дверей. Эти двери они покрасили только-только, совсем недавно и относились к ним весьма щепетильно. В тот раз же они захлопнулись непомерно громко. А может, это все просто показалось, а Чонсу всего лишь заснул на ходу, путая реальность и явь? Пару раз такое случалось, поэтому порой он не мог поручиться за правдивость всего того, что он видит ранними утрами, подходя к помещению на 8 Авеню.

Но как бы то ни было, сейчас ему предстояла еще одна скучная будняя ночь. Он все подумывал уйти оттуда, но гениальные мысли не всегда имеют свойство воплощаться в реальность, и эту мысль ждала такая же невеселая участь. Пока не доделают помещение, обозначил сам себе срок Чонсу. Поэтому так и продолжал разрываться между добровольными ремонтными работами днем и верным служением редким ночным посетителям ночью.

Хотел ли вернуться? Надеялся ли? После каждого электронного письма домой, отправленного из интернет-кафе на другой стороне улицы, желание уехать обратно вспыхивало с новой силой, тут же заглушаясь заботами о том, что надо купить по дороге штукатурку или дверную ручку вместо той, поцарапанной.

– Чашку кофе, – заказал клиент, один из немногих, точнее – из четырех на весь зал.

Только придя в кафе, Чонсу как всегда поспешил натянуть на себя темно-синий фартук, непременный атрибут работников «Черного кофе и белого шоколада». И вот уже первый заказ, который он мог бы угадать даже без озвучивания. Вот уже четвертый, а может, даже пятый день этот уважаемый господин в элегантном пиджаке и потертых джинсах с черными

солнцезащитными очками в руке приходил в это самое недостойное его элегантности кафе, будто специально время подгадывая, чтобы попасть именно в его смену. И вот уже который день заказывал только одну чашку кофе, распитие которой могло продлиться час, а то и все два. Наученный горьким опытом, Чонсу сначала внимательно присматривался к этому господину, но, не заметив более ничего подозрительного, тут же забыл о нем. Притом сегодня было на удивление многолюдно – к немногочисленным посетителям, одиноко сидящему парню в кепке, и заблудшейся парочке, присоединился еще один, мужчина средних лет и весьма среднего достатка, о чем свидетельствовали пара неудачно застиранных пятен на рубашке и портфель далеко не первой свежести.

– Давно здесь живете? – спросил этот самый господин, когда Чонсу принес ему приготовленный кофе и когда уже успел порядком забыть о нем.

– Полгода, – ответил Чонсу, немало удивившись, что с ним пожелали заговорить.

– Откуда приехали?

– Не понимаю вас... – Он на всякий случай решил прикинуться непонимающим, что, в принципе, и не было особенной ложью.

– Откуда вы приехали? Из какой страны?

Еще несколько секунд Чонсу открыто смотрел на господина, изучая и прикидывая: нужен ли ему просто ночной собеседник или он собирался выпрашивать конкретную информацию, что навевало не только плохие воспоминания, но и мрачные предчувствия. В этой стороне, у столика, который выбрал этот господин, было плохо освещено. Сгоревшую два дня назад лампочку до сих пор не могли заменить, и это только добавляло душной колючей атмосферы.

– Из Кореи, – все-таки решил ответить Чонсу без излишнего лукавства.

Краска с его волос уже давно окончательно исчезла, и придумывать что-то насчет гонконгского дедушки и французской прабабушки не имело смысла. Впрочем, как и причины. Наверное, о нем там уже дано забыть.

Господин громко щелкнул пальцами, будто его давнее и сложное умозаключение только что подтвердилось, чему он был только рад.

Не дождавшись более никакого проявления интереса к своей персоне, Чонсу, коротко извинившись, но удержавшись от того, чтобы поклониться, привычку чего так долго и упорно выбивал из него Минкё, ушел подальше, к только что зашедшему клиенту. Кто их знает, этих американцев.

Летние ночи коротки, но эта показалась одной из самых длинных. Долгая и скучная ночь выматывала. Только бледная луна, заинтересованно заглядывавшая в окна, которые Чонсу решил протереть, потому что этим уже давно никто не занимался, и на них можно было спокойно вывести пальцем целую картину, только она составляла компанию.

С нетерпением дождавшись конца смены и начало нового дня, Чонсу наконец-то вышел вдохнуть свежего воздуха, пропитанного запахом бензина из выхлопных труб вездесущих такси. Теперь можно было спокойно пройти, надышавшись этого бензинового воздуха, чуть не споткнувшись раз-другой о мусор, вещавший о весело проведенной кем-то ночи. Солнце начало робко выглядывать из-за высоких и не очень городских зданий, обещая превосходный день, и Чонсу уже забыл о тяжело проведенной ночи и даже о том господине с его странными вопросами, но...

Но на глаза как раз попало это самое интернет-кафе, куда он привык заходить. Заходил туда действительно часто и даже сдружился с одним работником оттуда. Товарищ по несчастью ночных смен и восточному происхождению (как оказалось, он приехал из маленького тайванского городка Суао), он был смешной и недостаточно высокий. Еще пару сантиметров, и можно было бы сказать – низенький. Но, в силу всех этих обстоятельств, им было просто общаться на ломаном английском, что весьма способствовало тому, чтобы у Чонсу появилась неслыханная скидка за пользование услугами интернет-кафе, а если повезет – и вовсе отсутствие платы.

Решив, что давно не отправлял домой не только письма, но и маленькую весточку, Чонсу прошел перекресток, который по утрам отличался крайней оживленностью. Несмотря на благие намерения и большой писательский порыв, письмо вышло коротким – рассказывать особо не о чем. Уже собираясь оставить компьютер в покое, Чонсу вдруг наткнулся на интересную строчку на новостном сайте, написанном корейским хангылем*. Порой хотелось просмотреть новости из родной страны, поэтому заходил он туда часто. «Долгий судебный процесс, наконец, завершился. Господин Канг Кёнмо приговорен к десяти годам лишения свободы».

Сначала Чонсу не обратил никакого внимания на эту сухую строчку, написанную канцелярским языком. Спустя пять секунд понял, речь идет именно о том самом господине Канге. Спустя еще десять – что его бесчестная деятельность прекращена, по крайней мере, на десять лет. Уже жадно впиваясь в каждое слово, он начал читать подробности.

Кто бы мог подумать, что оставленная на стуле в зале ожидания аэропорта папка с бумагами сыграет такую роль! Получив ее, полиция провела расследование и... дальше все произошло по общеизвестному сценарию. Тогда кто же этот господин?.. Чонсу задумался, да так бы и сидел еще с полчаса, но в этот момент его оплаченное время закончилось, и компьютер оказался заблокирован. Хочешь – не хочешь, нужно было отправляться в место, которое он уже начинал привыкать называть своим домом.

Прочти он это три месяца назад, то рванулся бы обратно первым же рейсом, а теперь...
*хангыль – корейский алфавит.

– Доброго утречка! – весело поприветствовал Чонсу друг, как только тот громко, громче, чем он сам рассчитывал, захлопнул дверь.

Минкё с кисточкой в руке стоял около места своей недавней творческой неудачи, которая теперь была идеально закрашенная и гладкая, нарушаемая только в самом углу самовольным рисунком одной кисэн*, одетой в яркий зеленый ханбок**.

– Доброго... – ответил Чонсу тоном, совсем не сочетающимся с определением этого утра. – Ты что, всю ночь здесь вырисовывал?

Говоря это, он присел на первый стул и подпер голову руками.

– Нет, поспал часа четыре, – весело ответил Минкё. – Зато почти все закончил, даже нарисовал кое-что.

– Кисэн нарисовал? Умно...

– Не просто кисэн, – немного обиженно возразил друг, повернувшись к Чонсу. – Это Чхун Хян***, самая знаменитая, самая умная и красивая, самая... Эй, ты меня не слушаешь?

Ответом послужило только тихое сонное посапывание. Стоит Чонсу закрыть глаза и реальность для него уже переставала существовать, сменившись на дивный мир грез. Так было и в этот раз. Взгляд Минкё, остававшийся недовольным еще с несколько секунд, вдруг смягчился. «Опять спишь где попало», – тихо пробормотал он, вернувшись к нанесению последних штрихов на стену. На секунду у него даже появился благородный порыв перенести друга наверх, уложить по-человечески, но порыв этот продолжался всего лишь секунду. «Не в романтической дораме живем», – отмахнулся он от высокой идеи, вернувшись к низким обязанностям строителя-дизайнера-планировщика и... еще много кого.

Солнце поднималось все выше, проникая через чистые и не очень окна в комнаты, коридоры, залы, гаражи... куда угодно, оставляя на стенах одинаково светлые пятна своих лучей и разбавляя каплей золотистого света утреннее настроение, будь оно отличным или же пресквернейшим. Настроение Минкё не относилось ни к первой группе, у представителей которой вышел на редкость замечательный день вчера, ни ко второй, обладателей чего в прошлый день начисто обобрали уличные торговцы или их понизили в должности. С одной стороны настроение было отличное, разве может его что-то испортить? Но только с одной стороны. С другой – получалось так, что на душе было беспокойно и даже некоторым образом тревожно. И все

дело заключалось лишь в одном человеке, который пришел ни свет ни заря, пришел без стука и какого-либо обозначения своего присутствия, что подобало бы для приличия. Поэтому вполне объяснимо, что Минкё, проснувшись от звука шагов кого-то постороннего и неожиданного, испытал некоторый испуг, который он с достоинством скрыл и более не показывал.

Человек этот, обладатель весьма экстравагантной стрижки, на которой вырисовывались ломанные линии, и дорогого пиджака, рукава которого он нещадно подвернул, представился помощником господина Лу. Поручение его, которое он выполнил безукоризненно, состояло всего лишь в том, чтобы напомнить, что согласно договору заведение должно открыться никак не иначе, как через четыре дня. Сказав это, ушел без лишних слов, к числу которых, наверное, он прибавлял и слова прощания.

Заря тогда только занималась, и еще часок-другой можно было бы потратить на более полезные дела, то есть досмотреть интересный сон, который был так бесчестно прерван, но после таких посещений это оказалось крайне тяжело. Поэтому докраска стены закончилась раньше, чем предполагалось, что, впрочем, было весьма кстати – четыре дня не шутка! Они ведь не договаривались на такой короткий срок... Хватало и того, что они должны были обеспечить себе выручку в тридцать тысяч долларов, чтобы одну треть отдавать своему инвестору. Таково было еще одно условие договора, которое при невыполнении повлечет за собой... Стоявший тогда позади господина Лу его личный помощник внушительных размеров и еще более внушительных мускулов сделал красноречивый жест, проведя большим пальцем поперек горла. Конечно, потом это все превратилось в шутку, и Минкё сдержанно посмеялся вместе со всеми, но бешеный стук сердца утих только к обеду. Да, ни скорости, ни рук не хватало, но где-то говорили, что не боги горшки обжигают. И переоборудывают помещение, наверное, тоже не они. Да и оставалось всего самую малость: всего-то до конца расставить мебель, оформить кухню, да все это подключить.

Малость... О сне на эти четыре дня, а потом и еще на двадцать четыре придется забыть. Нужно было приступать сейчас не медля, и лучше не одному, ведь тяжелую вещь легче поднять вместе, помнил еще со школы пословицу Минкё, но... Обернувшись, он бросил взгляд на Чонсу, теперь полностью положившего голову на столик. Веки подрагивают, как всегда, дыхание тихое, еле слышное. Ладно, пару часов форы он другу даст.

Прикинув, что здесь пока больше делать нечего, Минкё пошел приводить в порядок маленькую кухню. По крайней мере, эта комнатка больше всего подходила под это высокое звание. Но сначала один звонок.

*кисэн – женщины-аристократки, которые развлекали янбан (дворян) и королей

**ханбок – национальная одежда

*** Чхун Хян – героиня легенды «Сказание о Чхун Хян»

– Невыгодное место, сплошная антисанитария и разваливающееся здание... Да вы экстремалы!

Пробуждение было резким от внезапного возгласа, смешавшего в себе странную смесь удивления и недовольства, неудобным от того, что на твердом столе подушка была бы не к месту, и горьким, потому что был упущен такой приятный и красивый сон. Чонсу в секунду принял нормальное сидячее положение, еще секунд пять соображая, где он вообще находится. Вроде бы место привычное, и даже музыка, проигрываемая недорогим магнитофоном в соседней комнате, была обычной. Да-да, восьмое авеню двадцать два. Но откуда здесь этот широкий во всех отношениях светловолосый человек, вольготно вставший прямо в центре зала и внимательно рассматривавший все вокруг. Если Чонсу встанет с ним рядом, то вряд ли и до уровня уха дотянет, поэтому он пожелал оставаться на безопасном расстоянии, сидя на стуле.

– Не убрано, грязи по колено, – продолжал он. – Это тут ты мне предлагал работать, Мэтт?

– Да, именно тут.

В узком дверном проеме, наконец, показался Минкё, скрестивший руки, на которых кое-где была видна засохшая краска.

– Готов поспорить на все, что угодно, что у вас это дело не выгорит. Вы хоть представляете, что у вас только один шанс из ста на успех?

– А разве не ты когда-то любил рисковать?

– Это другое, совсем не то, – случайный гость провел ладонью по шее.

– Майкл, ты только подумай: полная свобода действий, будешь работать под своим началом и никто тебе не указ. Ну... в разумных пределах.

Чонсу чувствовал себя незаконным слушателем этого диалога. Полностью не представляя, кем может быть этот человек, и о чем его друг с ним вообще говорит, он успевал лишь переводить взгляд то в одну, то в другую сторону. Майкл, по крайней мере так назвал его Минкё, почесал в затылке, явно о чем-то глубоко задумавшись. Обернулся пару раз, снова окидывая все оценивающим взглядом, с завидной регулярностью хмурил брови.

– Хм... Может, тогда покажешь мне мое предполагаемое поприще? – наконец прервал он свое молчание, посмотрев на Минкё.

– Это сюда, – воодушевленно ответил тот, указав на направление за своей спиной.

Майкл недоверчиво последовал за ним, все еще оглядываясь по сторонам. Но его путешествие не оказалось долгим – не прошло и минуты, как с громким смехом он вышел обратно в зал.

– Нет, вы, ребята, и впрямь смешные, – продолжая посмеиваться, говорил он. – Я, конечно, чем смогу помогу, но работать здесь – уж извиняйте.

– Хорошо подумал? – не отставал Минкё.

– Может, вы и половину минусов не видите здесь, но я их все вижу прекрасно. Раскройте глаза пошире... ну, в крайнем случае, попытайтесь. – Майкл уже подошел к входной двери, по желанию обоих владельцев, полностью прозрачной. – Звони, если что.

Все еще смеясь, странный посетитель вышел на улицу, будто его и не было, а он оказался всего лишь сном. Солнце светило нещадно, а ему и в джинсовой куртке, теплой на вид, жара была нипочем. Еще пару мгновений, и он уже полностью смешался с толпой, так яростно спешащей на работу.

– Еще придет, – уверенно сказал Минкё, смотря странному человеку вслед.

– А кто он вообще такой? – наконец обрел дар речи Чонсу.

– Надеюсь, тот, кто будет заведовать нашей кухней.

– То есть?..

– Я о нем говорил. Готовит он отменно. – Минкё уселся на стул около того же столика, где был и Чонсу. – Только если в хорошем настроении, – добавил он.

– И откуда ты его знаешь?

– Познакомились случайно. Одно время он работал помощником повара в кафе совсем близко к университету. Я туда часто заходил. Ну, а когда перебарщивал с заказом, и денег с собой столько не оказывалось, помогал ему после закрытия на кухне прибираться. Так и познакомились. Он бы уже давно шеф-поваром какого-нибудь дорожущего ресторана стал, если бы не начинал с самого начала так гнуть свое. А так он раз за разом наступает тигру на хвост. Начальники, они такие... сам знаешь. Вот он нигде долго и не задерживается.

– И ты хотел, чтобы он был у нас поваром?

– Точно. Твоя догадливость сегодня зашкаливает. А вообще, неплохой вариант, вполне... Так, что-то мы засиделись, – прервал Минкё сам себя. – Работать, работать...

День прошел как нельзя лучше, солнце светило, не скрываясь за пушистыми облаками ни на минуту, а воды Атлантического океана были спокойными до невозможности. День без излишних чрезвычайных ситуаций и с минимумом споров и пререканий, впервые, наверное, за все время проживания здесь. Может, потому, что свыклись или старательно это показывали,

а может, потому, что перетаскивания столов и переподключения не таких уж многочисленных, как хотелось бы, электроприборов занимали все время и силы так, что на споры уже не оставалось ни того, ни другого.

Да, работы действительно было много. Минкё так и не объяснил причину такой безумной спешки своему другу. Впрочем, Чонсу и не спрашивал, продлевая себе более менее сносный уровень спокойствия еще на день. Да и думать насчет этого порой не хватало времени, только и размышляй про себя – на каком уровне лучше повесить занавески. Полы были натерты до кристальной чистоты, да такой, что еще немного – и можно было бы кататься, как на коньках. Столы и стулья приняли свою окончательную позицию. Целлофан, обмотанный вокруг некоторой мебели, словно блестящая прозрачная паутина, был снят и положен около черного хода, ведущего из кухни во внутренний двор. Еще бы развесить дешевые светильники, которые они купили в хозяйственном магазине, не отличающемся высокими ценами, там, через несколько кварталов, но усталость навалилась как первый снег, неожиданно и блокирующая всякое движение.

Плюхнувшись на стулья, друзья сидели неподвижно еще двадцать минут, оглядывая деяния рук своих. На первый взгляд можно было бы сказать, что и не было сделано ничего, ведь вроде ничего не изменилось, но... Все же теперь помещение было близко к тому, чтобы назвать его кафешкой низкого достатка. Солнце, все это время еще довольно ярко освещавшее фронт работ, уставшее, так же уставшее, как и они, готовилось закатиться за горизонт. По обоюдному решению, работы были приостановлены на ночное время, тем более миссис Байерс, относительно милая, когда ей никто не мешает, старушка, жившая в квартире в соседнем доме, несколько раз настоятельно просила их прекращать гудеть да стучать после заката солнца. Продолжая относиться к ним более чем подозрительно, она даже отслеживала из окна, какие именно машины к ним приезжают или какие люди заходят.

Уже загорались первые звезды, когда силы, нужные для того, чтобы вернуться к нормальной жизни двадцатиоднолетних молодых людей, а не продолжать пребывать в состоянии улитки, начали возрождаться. Неплохо было бы и разбавить трудовые часы чем-нибудь другим, повеселее. Что Минкё и решил незамедлительно сделать. Еще непомерно долго, по его мнению, старясь уговорить Чонсу отправиться с ним и плюнуть на эту бесполезную работу в будущей конкурирующей фирме и потерпев полное поражение, он поехал в «Free relax».

Это был клуб, куда он в былые дни, когда не нужно было думать, где купить лампочки подешевле, заходил чаще всего. Определенно после всех сегодняшних посещений, после этого помощника Лу Чаошэна, который явно жил согласно пословице, что ранней птице и червь достанется*, после этого Майкла, который оказался намного менее сговорчивым, чем он предполагал, нужно было оттянуться по полной. О тяжком и нерадостном можно было подумать завтра. Быстрые лучи света, скользящие по всему залу, по всем людям, в нем находящимся, отвлекали как нельзя лучше, а стаканчик банановой самбуки только способствовал тому, чтобы забыть обо всем тяжком и нерадостном на сегодняшний вечер окончательно. Тем более что было в компании с кем. Встретив свою относительно давнюю знакомую, Джейн, Минкё уверился в том, что в этот вечер американские боги к нему благосклонны. Чего, наверное, нельзя сказать о другом субъекте.

*Ранней птице и червь достанется – английская пословица, The early bird catches the worm.

Как всегда, как и неделю, и месяц назад Чонсу работал в кафе. Все как обычно, ничего нового, и казалось, что даже посетители те же, как и всегда бывают. Только из головы кое-что не шло. И сколько бы он не встряхивал головой, от чего челка спадала на глаза, так что ее приходилось убирать ее, резко мотнув головой, потому что руки были заняты подносами, это так и стояло перед глазами.

Уже подходя к месту работы, Чонсу решил заскочить минут на десять в интернет-кафе. Ничего необычного, так он уже делал иногда. Но такое количество отменной брани слышал в первый раз. Много же пришлось узнать от своего начальника о себе несчастному Ву Йи-фэй, тому самому работнику, его знакомому. Начиная с главной провинности – поцарапанного экрана компьютера, и продолжая ею в кульминации, начальник в продолжении перечислил все минусы, и одним из главных оказалось то, что Йи-фэй пускает этого попрошайку, то есть Чонсу, сюда за бесценок. Жертва выговоров только сжалась пуще прежнего, втянув голову в плечи, показавшись от этого еще ниже. Когда дело коснулось Чонсу, он поспешил скорее скрыться оттуда, чтобы не усугубить ситуацию. Наверное, надо как-нибудь поговорить с Йи-фэй, решил он.

Да, все было как всегда. И печальная луна, круглая сегодня, как никогда, все так же смотрела с неба в окно. И молодой человек, обычно сидевший в кафе до самого утра, как всегда что-то быстро записывал в своем блокноте, изредка прерываясь на то, чтобы поразмышлять, что написать дальше. И, как всегда, этот господин. Чонсу и не сомневался, что он придет и сегодня.

– Вы когда-нибудь снимались в рекламе? – спросил господин, когда Чонсу поставил перед ним заказ. На этот раз к чашке кофе добавился еще и омлет с беконом.

Чонсу отрицательно помотал головой. Опять эта челка... Он понадежнее заправил ее за ухом.

– А в клипах? В фильмах?

– Нет.

– Хотите попробовать? – Господин внимательно посмотрел на него, не прекращая расправлять и сгибать обратно дужки своих солнцезащитных очков.

– Не понимаю вас... – Чонсу весь напрягся, насторожившись.

– Меня зовут Стивен Финкл, я продюсер. – Он приостановился, несколько секунд ожидая реакции. Чуть разочаровавшись, что узнавания не последовало, он продолжил: – Не заинтересованы в том, чтобы сняться в фильме?

– Я? В фильме... Вы серьезно?

– Абсолютно серьезно. Ну так?

Еще раз внимательно присмотревшись к собеседнику, Чонсу не нашел никаких признаков розыгрыша или помешательства, что могло хотя бы как-то оправдать такие предложения. Полминуты Стивен Финкл ожидал ответа, нисколько не стесняясь такого разглядывания. Лицо серьезное, ни тени грядущего приступа смеха. Похоже, и вправду не шутит. Тогда в чем же подвох?

– Вы хорошо бы смотрелись в кадре. Я оставлю вам свою визитку, – сказал Финкл, доставая из кармана маленький листок и кладя его на стол. – Подумайте над моим предложением.

Сказав это, Финкл принялся за свой заказ, забыв о существовании Чонсу, будто он и не разговаривал с ним только что. Клиент, сидящий в другой половине зала, в это время позвал официанта, чтобы ему принесли еще стаканчик виски. Чонсу ушел выполнять заказ, а когда освободился, то, оглядев зал, уже нигде не нашел господина Финкла. Если бы не визитка, оставшаяся в кармане, он бы и вовсе принял это за полусон. Не удивительно. Он так давно не высypался.

О том, что собирался поговорить с Ву Йи-фэй и выяснить, прошел ли гнев его начальника без лишних потерь, Чонсу вспомнил только уже ранним утром, подходя к 8 Авеню, 22. Полностью замотанный, уставший и видящий сны уже на ходу, он спешил в здание будущего кафе, которое и названия пока еще не имело, так что снаружи выглядело весьма интригующе. Луна давно скрылась за горизонтом, забрав с собой и звездный свет, а солнце еще не спешило всходить. В таком неверном освещении многое может привидеться. Вот как сейчас, к примеру.

Окно открылось тихо и практически незаметно, пропуская тонкую тень. Так же бесшумно окно и закрылось, и тень начала удаляться быстрым проворным шагом. Чонсу протер

глаза, даже кожу на своей руке ущипнул, чтобы удостовериться, что не спит где-нибудь около городского мусорного бака. Оказалось, нет. Тогда вор?

Подумать о том, что воровать-то у них, в общем-то, нечего, Чонсу успел, уже подбегая к этой самой тени. Схватив ее за локоть, он намеревался удержать ее для дальнейшего допроса. Да не тут-то было. Миниатюрный предполагаемый воришка боролся не на жизнь, а на смерть, порой выдавая такие приемы, что казалось, будто Чонсу вырывается из цепкой хватки, а не наоборот. Наконец кое-как ему удалось заломить воришке руки за спину. Добившись того, чтобы он перестал вырываться и извиваться, как самая настоящая змея, Чонсу сорвал с головы капюшон, из-за чего по плечам рассыпались длинные черные волосы.

– Ты кто такая? – начал свой допрос Чонсу, справившись с удивлением от того, что воришкой оказалась девушка, а не какой-нибудь беспризорный подросток. – Что ты здесь делала? Что тебе здесь нужно?

На все вопросы девушка отвечала только стойким молчанием, время от времени повторяя попытки вырваться. Время шло, небо становилось все светлей, позволяя увидеть девушку такой, какая она есть, а не какой ее рисует темнота.

– Кто ты такая? – снова спросил Чонсу. – Давай договоримся: я тебя отпускаю, а ты говоришь мне, кто ты такая и что тебе здесь нужно.

Девушка еле заметно кивнула. Чонсу медленно ослабил хватку и, наконец, отпустил ее совсем. Простояв еще несколько секунд без движения, она рванулась с места не хуже профессионального спринтера – только ее и видели. Ощувив в десятикратном размере вдруг навалившуюся усталость, Чонсу даже не предпринял попытки догнать ее. Только смотрел ей вслед до первого поворота. Рассвело.

Загадочная посетительница... Кем бы она могла быть? Вырывалась так отчаянно, будто шпион, попавшийся на вражеской территории. Но разве у них есть что разведывать? Чонсу остановился перед самой дверью и посмотрел на окно, через которое она вылезала. Просто так не откроешь, немалым проворством нужно обладать, чтобы сделать это.

Как и ожидалось, Минкё на месте не оказалось. Если уж он отправлялся вечером куда-то по своим значным местам, то ждать его стоило только к утру. Это если повезет. Неудивительно, что в пустом доме незаконно завелся еще один странный обитатель. Сначала похожая на вора, она теперь менее всего его напоминала. Что-то в ней было... Это что-то никак не поддавалось определению, что совсем не мешало увериться в существовании этого чего-то.

Помещение без каких-либо людей казалось совсем неживым и крайне непривлекательным, будто порог не переступала нога человека уже несколько месяцев, хотя в действительности только полчаса назад здесь была эта девушка. Вроде бы ничего и не изменилось, и не одного стула не было своровано, а о денежном запасе речь прекратилась уже три дня назад, но теперь избавиться от ощущения чего-то постороннего было крайне сложно. Кто она? Чонсу медленно прошел к кухне, чтобы заварить себе чай, по пути проведя кончиками пальцев по поверхности одного из столов. Что ей было нужно? Пока кухня не применялась по своему основному назначению, продуктов в ней содержалось крайне мало, поэтому чай был только в пакетиках. Да и то в крайне ограниченном количестве.

Сев за стол около окна, Чонсу наблюдал, как 8 Авеню медленно просыпается, оживляясь в каждом своем уголке, и солнечный свет медленно проникает все дальше по дороге, словно едет на большом грузовике, призванном доставить его к каждому дому. Он уже почти уснул, отпивая чай из чашки чисто автоматически и все наблюдая эту просыпающуюся нью-йоркскую улицу.

– Да тебе прям в каком-то романтическом фильме только сниматься! – неожиданно раздалось громкое замечание.

Минкё плюхнулся на соседний стул. По его покрасневшим глазам сразу можно было догадаться о веселой бессонной ночи.

– Я не слышал, как ты вошел, – невозмутимо отозвался Чонсу, все еще продолжая пить этот безвкусный чай.

– Еще бы. Ты бы себя со стороны видел. Точно как детектив, который распутывает невероятно сложное дело. О чем ты думал?

– Я? Ни о чем... – не справившись с объективным недовольством организма постоянной работой, Чонсу звучно зевнул. – Хотя нет, кое-что хотел сказать. В последнее время ты не замечал каких-то посторонних странных посетителей?

Он вопросительно посмотрел на друга. Тот задумался ненадолго, побарабанив пальцами по столу, чем создавал видимость глубокой задумчивости.

– У нас тут каждый второй посторонний и странный, – наконец сказал он. – А так, чтоб совсем посторонний... Нет, не замечал. А что?

Чонсу пожал плечами, думая говорить или нет.

– Да вот, когда я подходил сюда рано утром, увидел, как через окно отсюда вылезала девушка. Я ее поймал, но она вырвалась и убежала. Случайно не твоя знакомая?

– Хотел бы я, чтоб у меня были такие знакомые, – задумчиво произнес Минкё. – Но нет, такой отчаянной госпожи я определенно не знаю. Тебе не приснилось ли?

Чонсу задумался на секунду. А и правда, вполне возможно, что приснилось, и он все это время просто сидел за столиком наполовину готового к приему посетителей кафе. Сны утром такие реалистичные...

– Может, и приснилось, – наконец пришел к выводу Чонсу. – А ты, где всю ночь был?

– Получал необходимую дозу релаксации.

– В клубе?

– Так я тебе и сказал. Подумай сам, ты же у нас детектив. Шпионов тут каких-то ловишь... А вообще, – резко прервал сам себя Минкё, – у нас осталось мало времени. Вперед, за дело.

Ответом послужил лишь продолжительный сонный и немного ленивый зевоч Чонсу.

Три дня. Такое количество времени можно оценивать совершенно по-разному: и как пронесшееся мимолетное видение блаженной неги, и как три занудных, абсолютно идентично повторяющихся отрезка времени, и как три спешащих в только им одним известном направлении шанса быстро закончить оправдание своего займа. Эти три дня неслись с непозволительно высокой скоростью, хотя могло бы показаться, что они же, эти три дня, превратились в тридцать три – настолько тяжела и скучна была оставшаяся работа. То там огрехи замазать, то тут кофеварку подлатать, а потом и вовсе ударить кулаком по причине того, что она совсем не желает поддаваться усилиям начинающих электриков, после чего пожалеть о своих действиях, потому что кофеварка эта стоит одна единственная, и уговаривать ее заработать вновь. Скучно. И... тревожно.

– Этот твой Майкл так и не пришел, – заметил Чонсу вечером, когда оставалось два дня, и открытия по договору должно было состояться послезавтра.

– Явится, – с показным энтузиазмом, но уже не так уверенно ответил Минкё. – Он всегда опаздывает.

– Посмотрим...

На это проявление скептицизма Минкё не посчитал нужным отвечать. С одной стороны, потому, что порой нужно смотреть на сомнения с высоты Намсан*, а с другой – потому что сомнения эти начинали давать маленькие отражения и в его сознании. Но, как бы то ни было, он просто наградил друга полупрезрительным-полуудивленным взглядом. Но разве кафе без повара – это не отважное безумие? В последний раз кулинарные подвиги Минкё закончились полным провалом и отравлением всех тех, кто эти подвиги попробовал, еще лет семь назад, и вдруг проявившиеся кулинарные способности сейчас также маловероятны. Также маловер-

роятны, как и то, что заведовать кухней сможет Чонсу, на взгляд Минкё, страдавший поразительнейшим отсутствием фантазии. Нет, этот человек, Майкл, просто обязан прийти. А если нет... При одном воспоминании того мускулистого личного помощника по спине у Минкё пробежали мурашки.

Время, впрочем, как и все, приближающееся к финишу, многократно убыстрило свой бег, и не было возможности даже взглянуть на стрелки часов – то ли от того, что последние приготовления отнимали львиную долю сил, то ли от того, что стрелки эти вращались с невообразимой скоростью. И это не всегда шло на пользу. С одной стороны, приходилось работать в поте лица, с другой – так хотелось, чтобы томительное ожидание, наконец, закончилось, превратившись в стремительное действие.

И вот, наконец, настал тот самый день, двадцать первый день седьмого месяца, последний день перед тем, когда согласно договору они должны были официально открыть заведение. Последние приготовления подходили к концу, последние провода были подключены к своему месту, последняя краска высохла на стенах, и Чхун Хян будто двигалась по своей воле, переливаясь зелеными красками своего ханбок. Вроде как все подходило к своему логичному концу...

Вроде. По случаю такого знаменательного события Чонсу провел свои последние рабочие часы не совсем полно, отработав их во второй половине дня. Солнце в тот день светило непомерно весело, и подать заявление об уходе у него вышло с легким сердцем и еле скрываемой улыбкой. Подошло к концу ночное рабство в виде постоянного перетаскивания подносов за минимальную плату. Наставало такое же перетаскивание подносов и прочей кухонной утвари за бесплатно. Но это нисколько не портило настроения, ведь подносы эти были лично его, Чонсу, и его друга. Впрочем, как и все это здание, где были эти подносы и всяческая утварь. Совсем скоро, через каких-то двадцать часов, мечта, которая появилась еще несколько лет назад, еще тогда, в Кванчжу, мечта, которая раньше казалась несбыточной, чем-то вроде красивой сказки, воплотится в жизнь.

Дорогу обратно, ту самую дорогу, которую он проходил так долго, так часто, и которую теперь предстояло пройти в последний раз, Чонсу решил не сокращать, стараясь идти медленно, совсем не спеша. Небо безоблачное, ветер совсем тихий, почти неощутимый, солнце тянется достать своими золотыми лучами до земли... Спешить совсем некуда. Впрочем, как и впереди идущему прохожему, понуро склонившему голову и опустившему плечи. Знакомому прохожему.

– Йи-фэй! Ву Йи-фэй! – позвал Чонсу прохожего.

Тот, немного погодя, обернулся. Вселенская скорбь и разочарование во всем мире окрасилась оттенком удивления.

– Что ты здесь делаешь? Разве ты не в ночную смену работаешь? – озвучил он свое удивление, как только Чонсу подошел.

– Больше нет, – покачал головой Чонсу. – Больше я здесь вообще не буду работать.

– Как? Тебя тоже?..

– Что?

– Уволили... – тихо добавил Йи-фэй слово, которое ему так не хотелось говорить, будто оно было под запретом произнесения вслух.

– Нет, сам ушел, – ответил Чонсу с легким оттенком гордости, от которого не сумел избавиться.

– А меня выгнали, как последнюю собаку, даже без зарплаты за эту неделю выгнали... Да что они там все...

Было невозможно представить, чтобы человек мог еще сильнее опустить плечи и еще больше обмякнуть, будто был не человек, а гигантское желе, но Ву Йи-фэй удалось это сделать. Чонсу хлопнул его по плечу, пытаясь хоть как-то взбодрить, со словами:

– Да ладно, все будет хорошо... Что теперь собираешься делать?

– Искать новую работу, что ж еще?

– Какую?

– Вариантов мало, – начал рассуждать Йи-фэй. – Где-нибудь в обслуживающем персонале, может, официантом устроюсь... Ты ушел из своего кафе, теперь там твое место свободное?

– Подожди, подожди... – прервал его Чонсу, обдумывая что-то. – У меня есть для тебя вариант получше.

– Да ну?

– Ты говоришь, что можешь работать официантом. Могу предложить тебе эту вакансию.

– Ты еще скажи, что ты – владелец ресторана, – неровно рассмеялся Йи-фэй.

– Откроется завтра.

– Врешь!

– Нисколько.

Дорога за разговорами сокращается вдвое, и вот, они уже стояли перед светофором у перекрестка, где их дороги должны были разойтись в противоположные направления. Светофор настойчиво показывал красный свет.

– Приходи завтра с утра по этому адресу, тут недалеко, – говорил Чонсу, записывая что-то на клочке бумажки.

– Но если я только потрачу свое время зря...

– Обещаю, что нет.

– ...то тебе не поздоровится, – закончил Йи-фэй. – Не люблю, когда врут.

– Тогда договорились, – сказал Чонсу, протянув руку.

Бу Йи-фэй принял рукопожатие, вмиг потеряв все свое грустное выражение лица, которым можно было выпросить и миллион у какого-нибудь богатого толстосума, и променяв на довольно одухотворенный новым поворотом в жизни вид.

Зеленый.

Чонсу повернул направо, особенно не торопясь. Придет завтра Йи-фэй или вовсе нет, он не знал и даже не хотел предполагать – слишком много предположений было разрушено и в завтрашний день может быть разрушено ровно столько же. Во всяком случае, еще один работник был бы очень кстати, принимая во внимание то, что в настоящее время в их штате сотрудников числятся только двое, а именно он и его друг, он же – партнер по бизнесу. Хотя они и разместили объявление о наборе сотрудников в интернете и на близстоящих столбах, никто так и не откликнулся. Может, в том была виновата примерная зарплата, заявленная в объявлении, а может, неудобное расположение, хотя на взгляд Минкё место было в самый раз, а может, еще по каким-то причинам, но число работников все еще оставалось на цифре два, не считая главной составляющей всех кафешек и ресторанчиков мира, без которой заведение просто не смогло бы существовать. Была у Чонсу пара мыслей на тот случай, если доверенное лицо Минкё, тот Майкл, так и не придет (а он был уверен в том, что так и будет). На крайний случай он мог попросить младшего повара с его бывшего места работы помочь им, но...

– Ты Что Делаешь? – произнося отчетливо каждое слово, спросил Чонсу.

Солнце уже клонилось к закату, когда он пришел в помещение, которое уже завтра должно было официально стать кафе. Совсем не спеша и не имея определенной цели, он просто прогуливался, медленно двигаясь к 8 Авеню, 22. Решив, что он уже достаточно намозолил глаза своему другу, впрочем, как и друг – ему, ведь в Кванчжу они хотя бы жили в разных домах, он зашел в несколько магазинов, чтобы купить пару недостающих деталей интерьера, потом перекусил в парке купленным сэндвичем. «Пока Минкё не видит», – подумал он про себя о съедобной на вид субстанции. К американскому фастфуду его друг относился крайне

отрицательно, считая, что он жутко влияет на цвет лица, не говоря о лишних граммах. К этому он и Чонсу старался приучить.

Так и прошел двадцать первый день седьмого месяца, довольно солнечный и почти безветренный, отмеченный большими событиями в маленькой жизни Чонсу и маленькими происшествиями в большой жизни мира. Вроде как и не случилось ничего крайне необычного.

Кроме того, что Чонсу довелось увидеть, закрыв за собой дверь кафе.

Наполненное светом закатного солнца, полупустое помещение, где царил только красноватый сумрак, выглядело даже относительно привлекательным. В ходе работы они подвесили довольно много ламп к потолку, так, что к концу могли бы назвать себя экспертами в этом нелегком световом деле, но сейчас работала только одна, в комнате, которая должна была нести на себе функции кухни, так что свет спотыкался на пороге, дальше рассеиваясь в красноватых сумерках. В этом было что-то... загадочное и неясное, наверное. Тихо. Обычно, если кто-то оставался, играла музыка, сначала через дешевенькие колонки, а потом – довольно сносную акустическую систему, которая была неотъемлемой частью всех общественных заведений. Но сейчас – тихо. Кроме редкого позвякивания стекла.

Медленно переливаясь из дешевой на вид, но внушительных размеров банки, темная жидкость, по всем параметрам подходящая под определение «пиво», оказалась полностью в стакане, а банка – в стройном ряду таких же, числом три. Наверное, это было единственное стройное и логичное, что Минкё был способен сделать сейчас. Даже рука, подносящая стакан ко рту, прежде чем достигнуть своего пункта назначения, описывала невообразимую траекторию.

– Я тебя спрашиваю, что ты делаешь? – повторил свой вопрос Чонсу, так и оставшись на пороге.

– А что... не в-видно? – невнятно произнес Минкё, допив пиво. – Ищу выход из сложившейся ситуации.

– Да ты в своем уме?

Чонсу подошел к другу, сидевшему на высоком стуле около стойки в углу прямо напротив двери. На первый взгляд не так страшно, но редко когда Чонсу видел своего друга в таком состоянии. Утром, уходя в последний раз на место своей скучной работы, Чонсу не заметил никаких признаков полнейшей апатии у друга, разве что только переносицу потирал чаще, чем всегда. Вечером он увидел совершенно другого человека.

– Ты н-не п-понимаешь... – сказал Минкё, открывая новую банку и наливая в стакан очередную порцию, чего ему, впрочем, не удалось сделать до конца.

Не выдержав созерцания такой жалкой картины, Чонсу схватил руку друга, отняв наполовину пустую банку. Особых усилий на это не потребовалось, Минкё и не думал удерживать ее дальше, что оказалось не совсем ожидаемым, поэтому по всем соответствующим законам физики еще треть пролилась на них обоих. Не обратив на это должного внимания, Чонсу уселся прямо напротив, ожидающе смотря в глаза Минкё.

– Очень умно с твоей стороны уничтожать все наши продовольственные запасы... Теперь рассказывай. Что случилось?

– Айщ... – Минкё с размаху закрыл пол-лица ладонью. – Ничего.

– Я жду.

Минкё вздохнул, подавив желание крепко выругаться, посмотрел в окно, удивившись, будто только сейчас заметил, что на улице уже давно стемнело, и один за другим зажигались фонари.

– Завтра конец, – наконец-таки связно произнес Минкё.

– Может, ты перепутал со словом «начало»?

– Нет, именно конец. В первый раз я позвонил днем...

*Намсан – телебашня, расположенная на высоком холме в центре Сеула.

В этот день солнечная погода раздражала. То и дело яркий свет, словно специально, указывал своим безжалостным перстом на какой-нибудь огрех, который Минкё тут же спешил исправить. Но как-то все валилось из рук. И дело не в том, что он устал, хотя это действительно было так. Он ждал. И когда уже ожидание сделалось невыносимым, решил позвонить, но никто не ответил, и во все последующие разы телефон уже оказывался недоступен. Стараясь относиться к этому как можно более холодно, Шин Минкё был спокоен первую половину дня. Но постепенно хотелось разбить свой телефон вдребезги, будто так можно было заставить глухой субъект ответить на другом конце связи. Вечером он уже было решил пойти и сказать все, что он думает в лицо, но уже ступив за порог, вспомнил, что, в принципе, и не знает, где можно найти этого человека – уж больно непостоянно место его работы, и если на прошлой неделе он работал на Манхэттене, то на этой может быть уже в Джерси-Сити, а тем, где он живет, Минкё никогда и не интересовался. Придя к такому неутешительному выводу, Минкё начал нервничать, и с каждой четвертью часа напряжение все нарастало. Чтобы хоть немного успокоить свои разгулявшиеся нервы, он достал из запасов одну банку пива, самую дешевую, потому что дорогие нужно оставить на лучшие времена на продажу. Потом одной показалось мало, и...

– В общем, мы пропали, – обреченно закончил он. – Я надеялся на Майкла. Оказалось, зря.

– Нда... – только и протянул Чонсу.

В помещении повисла глухая тишина, нарушаемая разве что только шелестом шин автомобилей, проезжающих мимо окон, да и то весьма редко. Чонсу устался в окно, что, в принципе, было бесполезно, по причине того, что разглядеть там что-либо было весьма затруднительным, а Минкё гипнотизировал стакан, наполненный наполовину дешевым напитком, а наполовину – рушащимися с каждой секундой планами. Возможная встреча с личным помощником господина Лу была самой нежелательной вещью в ближайшие дни. Не такой уж и убедительной была та его шутка. Да и вообще, не шутка это была, как подсказывало ему глубокое неизведанное подсознание. Дело принимало все более серьезные обороты, и в деле этом были замешаны большие деньги, и неоправданный займ их... Минкё немного встряхнул головой, чтобы избавиться от представления возможных действий в ответ на небрежное обращение с большими деньгами. Другу об этом Минкё так и не рассказал, до последнего надеясь, что все обойдется. И вот теперь оставалось всего несколько часов, а важной поварской составляющей еще не было найдено, и вряд ли за такое короткое время положение исправится.

– А может... – начал было Чонсу.

– Что? – Минкё поднял на него взгляд.

– Да ничего, – отмахнулся от недавно зародившейся и уже успевшей прийти в негодность идеи Чонсу. – Хотя, если...

Но этой идеи уже не было суждено быть услышанной. Перестав воспринимать действительность во всей ее полноте, голова Минкё резко опустилась, будто его кто-то отключил, и дальнейшая информация пронеслась мимо ушей, под действием пивных паров отказывавшихся слушать логичные и не совсем логичные доводы и предположения друга.

Легкий золотистый, такой приятный и свежий утренний свет... Утренний? Минкё резко открыл глаза, обнаружив себя на том же месте, где и уснул, накрытым клетчатым пледом. Следы вчерашнего отчаянного безобразия были убраны, будто все только снилось, а второй участник безумного предприятия, которое грозило обернуться чем-то намного более серьезным и неприятным уже через несколько часов, нашелся неподалеку, тут же, спящим за столиком, подложив руки под голову.

Может, пока не поздно купить билет обратно, уехать и никогда больше не вспоминать о благословенных землях Нью-Йорка? Минкё уже всерьез задумался над этим, но через минуту укорил себя за отказ, хоть и кратковременный, от последствий. Чонсу нахмурился во сне, будто угадал ход мыслей друга, хотя в действительности все еще продолжал спать.

– Да, ты абсолютно прав, – тихо согласился с сонной мимикой друга Минкё.

Он провел пальцем по столешнице. Только вчера была натерта до блеска. На окнах пылинки можно было сосчитать по пальцам. Все в порядке, все на месте кроме...

– Название!.. – излишне громко воскликнул Минкё, заставив Чонсу вздрогнуть при столь бурной реакции.

– Чего так кричишь? – сонно пробормотал он, норовя перевернуться на другой бок, забыв о своем неудобном положении в пространстве стула и, как следствие, чуть не упав.

– Про название забыли!

Чонсу резко встал, все-таки опрокинув при этом стул, на котором так уютно провел полночи, на что, впрочем, оба не обратили должного внимания. Где-то вдали, за грядой зданий и прочих адептов городской сущности вставало солнце, каждым лучиком цепляясь за шершавый небесный купол и неотвратно взбираясь все выше и выше. Оба начинающих владельца недвижимости начисто забыли о самом главном, с чего, собственно, стоило начать, но никак не заканчивать. Немного поспорив вначале на столь важную тему, они дружно забыли ее, отодвинув на второй, и даже на третий план. И вот теперь вопрос, не стерпевший таких отлагательств, настойчиво встал перед ними во всей своей красе. Важное дело без названия не принесет никакой удачи.

– Что будем делать? – тихо спросил Чонсу с таким убитым видом, будто по радио только что сообщили об очередном обязательном конце света.

– Что, что... – повторил Минкё. – Значит, так. Ты готовишься делать вафли с пирожными, а я вернусь через полчаса.

– Подожди, а ты куда?..

– За названием. Как думаешь, «Прима Крустулам» пойдет?

– И что это значит?

– Неважно. Вернусь через полчаса!

С этими словами Минкё, непомерно воодушевленный и в какой-то мере даже радостный, хотя это может быть всего лишь защитная реакция организма на готовящийся стресс, быстро вышел из основного зала, не забыв при этом аккуратно прикрыть за собой дверь (уж больно хрупкая теперь она ему казалась) и оставив своего друга знакомиться со сковородкой и прочей кухонной утварью.

Трудно было не только найти что-то за полчаса, но и придумать, как это что-то найти. Было раннее утро, солнце только вставало, неотвратно, но медленно. Также медленно просыпались и работники магазинов, что осложняло положение многократно, притом, что круглосуточных магазинов в этом районе было мало, а нужных им круглосуточных – и того меньше. Но вроде был тут один... Минкё активизировал всю свою интуицию и долговременную память, что, впрочем, в пять часов утра давалось с великим трудом.

Так было пройдено несколько кварталов. Небо неотвратно светлело. Наконец через несколько метров завиднелось то, что было так нужно. Вывешенные снаружи люминесцентные лампы все еще светились, несмотря на готовящийся наступить новый день. Одна среди них мерно помигивала, чем и привлекла внимание сонного сознания Минкё, чуть не уснувшего на ходу к этому месту.

Единственный обитатель лавки ничуть не отличался более бодрым настроением, чем у самого Минкё. Ночная смена подходила к концу, и сейчас отсюда можно было бы вынести

добрую половину товаров, ничуть не привлекая к себе его внимание. Притом, что и добрая половина эта была не совсем качественная и лицензированная.

– Вам что-то... – начал было продавец, мужчина, возраст которого трудно было бы определить, а если на вскидку – лет тридцати, с чем крайне не сочеталось средоточие лишних килограммов, выделявшееся под черной футболкой с надписью ACDC. Но договорить ему не удалось – он был жестоко прерван довольно продолжительным зевком, после чего решил не растрачивать более свою словесную энергию, махнув на все рукой.

– Лампы в форме букв есть? – решил не дожидаться продолжения высокосодержательной речи Минкё.

– Да, там, – все же потрудился ответить продавец, снова махнув рукой, но на этот раз уже в определенном направлении. – Только комплект пришел неполный.

Указанное направление привело Минкё в угол небольшого помещения, где были неосторожно свалены разноцветные люминесцентные изящно загнутые на углах лампы. И впрямь, половины букв, наиболее частых, не было, а кое-где на второй половине царапины можно было заметить невооруженным глазом. Зато цифры, намного менее нужные и популярные, были в изобилии. С трудом отыскав все, что было нужно, Минкё столкнулся со следующей проблемой – четыре лампы просто не загорались вовсе.

– Это даже модно сейчас, – заверял продавец, вспомнив о своих прямых обязанностях. – Тогда к покупке будет можно сделать в подарок приложение...

Долго не раздумывая, Минкё согласился на неубедительные доводы продавца. Во всяком случае, все лучше, чем ничего. И вот он уже спешил обратно к готовящемуся вот-вот открыться кафе. И путь бы оказался быстрым и приятным, ведь малолюдная дорога, купающаяся в лучах утреннего солнца, мало когда оставит неприятные воспоминания, но...

Черный Шевроле нарушил спокойствие утренней улицы не только яростно рычащим звуком, раздавшимся на добрую половину квартала, но и непомерно высокой скоростью для такой узкой улочки, которую как раз переходил Минкё. Солнце как раз взошло настолько, чтобы беспрепятственно освещать дорогу своим ярким золотистым светом, оттуда, немного справа, и, вследствие этого, ослеплять всех и вся вокруг. Кто был поражен золотистым светом больше: Минкё или водитель Шевроле, а может, оба, было и так осталось неясным, но итог от этого легче не стал – если бы Минкё сделал еще полшага, то следующий шаг ступить было бы уже некому, а так ему было обеспечено большое количество синяков и ушибов. Автомобиль, ничуть не притормозив, задел его так, что ему пришлось еще прокатиться кубарем по дороге пару метров прежде, чем остановиться, обняв асфальт. Автомобиль давно уехал дальше по своим делам, а в теле Минкё только начала растекаться боль от падения. Он попытался встать, опершись на руку, но получилось только приподняться на пару сантиметров и снова опуститься.

– Щибаль*... – только и вырвалось у него, как следствие неудачной попытки.

После этого короткого слова последовал ряд довольно нецензурных выражений и восклицаний, сопровождающих дальнейшие попытки подняться. От каждой попытки, каждого движения боль давала о себе знать с новой силой. Пробежал мужчина средних лет в спортивной одежде, явно заботящийся о своем здоровье и физической форме. На несколько секунд приостановился, посмотрев в сторону Минкё, но, не посчитав нужным прерывать свою пробежку, отправился дальше. Черда новых ругательств понеслась уже в его адрес, не услышанных всего лишь по причине того, что ни одно из этих ругательств он не понимал.

Безветренная солнечная погода всегда радует душу, особенно если она настала вопреки заверениям синоптиков о проливном дожде. Но не в этот раз. Кое-как поднявшись с уже успевшего стать теплым асфальта и не забыв прихватить с собой помятую коробку, где были все утренние покупки, Минкё теперь раздражался из-за этого блестящего солнца, которое, словно в насмешку, бросалось в него солнечными иголками, отчего хотелось закрыть глаза и больше

не открывать. По крайней мере, хотя бы час. Невольно вспомнилась сказка, которую он слышал еще в детстве, давно-давно, про тигра и девочку-солнце**. Нет, такая погода совершенно не к месту. По всем правилам трагедии должен был идти проливной дождь, как и обещали.

Вопреки всем логическим законам на сей раз дорога обратно оказалась в разы дольше и длиннее, чем была и три часа, и три дня назад. Длиннее потому, что он старался обходить возможные людные места из-за жутко грязной рубашки после ее жесткой встречи с асфальтом, дольше потому, что каждый шаг давался все с большим трудом. Да еще эта коробочка казалась все тяжелее. Минкё уже начал подумывать оставить ее где-нибудь около ближайшего мусорного бака, но на благо коробки, а может, названия, ради которого все это затевалось, прежде, чем он всерьез решился исполнить свой план, на расстоянии половины квартала завиднелось их кафе.

– Дом, милый дом... – пробормотал Минкё, стиснув зубы и прибавив шагу.

Сам себе он сейчас напоминал дядюшку Чу, довольно пожилого субъекта, который всегда нес что-то полезное, прихваченное с улицы или милостиво подаренное соседями, с собой в руках. Он был дальним-дальним родственником, настолько дальним, что Минкё и не помнил – со стороны отца или со стороны матери. Но это не отменяло обязанности Минкё совершать кынчоль***, который дядюшка Чу принимал как само собой разумеющееся и от которого он смог освободиться только лет в шестнадцать, когда все празднование Сольналь**** скрывался дома у Чонсу. Тогда он...

– Ай-гу!.. – воскликнул Чонсу, прерывая сложный поток сознания своего друга и возвращая его в нерадостное и тревожное настоящее. – Неужели сегодня Черная пятница*****?

Чонсу подбежал к нему, только дверь закрылась.

– А еще День благодарения, Рождество и Новый год, – мрачно ответил Минкё, тяжело усевшись на первый попавшийся стул и, наконец, поставив надоевшую до невозможности коробку перед собой.

– А если вправду, что с тобой случилось?

– Не поделил кое с кем дорогу.

– С кем?

– С машиной...

– Серьезно?

– А по мне не видно?

– Ой-ой-ей... ничего не сломал? – начал свою длинную речь Чонсу, присев рядом с другом. – Ходить можешь? Тебе лучше прилечь, после такого надо полежать, если что-то сильно болит, то сходи ко врачу, а может, лучше сюда вызвать? Нет-нет, сегодня лучше...

– Тсс... И так голова трещит, – прервал его Минкё. – Не строй из себя кимчхонскую тетушку. Лучше скажи, ты придумал, что будешь готовить?

– Н-не совсем, я...

– Правильно, надо сначала название приклеить, – прервал друга Минкё, начав вставать со стула, что оказалось для него как никогда трудной задачей.

– Да куда уж? Отдохни... – сказал Чонсу, пытаясь удержать друга за руку, которую тот тут же отдернул.

– В другой раз, – возразил Минкё, чуть не прибавив, что «если не успеем все сделать к уговоренному сроку, будет намного больше».

Он вновь взялся за надоедливую коробку и нетерпеливо разорвал ни в чем не повинную упаковку. Глазам предстало удивительно красивое зрелище: утренние лучи солнца так и играли на переливающихся и блестящих разными цветами осколках стекла. Осколках...

– Да вы что, издеваетесь что ли? – не выдержал Минкё после пяти секунд созерцания красивых осколков.

Он оглянулся на висящие на дальней стене часы. Времени оставалось совсем мало.

– И что теперь?

– Нет-нет, не могли же они все... – пробормотал Минкё.

Он начал перебирать субстанцию, ранее бывшую лампами, пару раз чуть не порезавшись.

– Что ты ищешь?

– Подожди...

Вот оно! Целехонькие и исправные, красивые и... ненужные. Две лампы в подарок оказались не чем иным, как просто цифрами.

– Две восьмерки? – саркастически спросил Чонсу. – Или знак бесконечности?

Пропустив эти слова мимо ушей, Минкё продолжил свои поиски в маленькой коробке дальше. В итоге целыми и невредимыми были выужены еще четыре буквы. Остальное могло превратиться в красивый элемент интерьера где-нибудь в большой вазе с бамбуком.

– М, т, р, а? – идентифицировал буквы Чонсу. – Это все, что осталось?

– Да...

Четыре буквы и две цифры просто отказывались складываться во что-то цельное и понятное в сознании Минкё. Он несколько раз переставил буквы. Что бы с ними сделать?.. Выходило только «карта» и «мама», что совсем не подходило к их заведению.

– Ничего не могу придумать... – тихо сказал Минкё. – Днем еще все будет нормально, но вот вечером...

– Постой, ты сказал, днем, вечером, – повторил Чонсу. – День, вечер...

– И что?

– А как насчет этого?

Чонсу переставил люминесцентные буквы и цифры в своем порядке. И вышло...

– Восемь часов утра и восемь часов вечера? – осторожно уточнил Минкё, смотря на сложившиеся 8AM и 8PM. – И что это будет значить?

– Не знаю... – Чонсу рассеянно почесал в затылке. – Может, что мы работаем с восьми до восьми?

Минкё в задумчивости несколько раз постучал пальцами по столу.

– Отлично, – резко сказал он после этой секундной задумчивости. – Выбор у нас невелик, так что... Пойдем крепить.

*щибаль – корейское ругательство

**...сказка, которую он слышал еще в детстве, давно-давно, про тигра и девочку-солнце – народный фольклор, сказка о Луне и Солнце.

***кынчоль – традиционный поклон перед старшими членами семьи на Новый год

****Сольналь – корейский Новый год

*****Черная пятница – пятница после Дня Благодарения в США, день, когда начинается сезон распродаж.

Сложная конструкция из ламп и проводов была надежно устроена над главным входом. И довольно к месту пришелся еще один символ, найденный на заднем дворе недалеко от мусорного бака, выброшенный за ненадобностью, а теперь выкрашенный оставшимися красками в виде длинного аппетитного батона. Теперь восемь часов утра и вечера были прекрасно разделены, не претендуя на главное место.

– Ну, на первое время пойдет, – заключил Минкё, продолжая оценивающе смотреть на название 8AM & 8PM.

– Пойдет... – эхом отозвался Чонсу, смотря в том же направлении.

Уже около пяти минут они стояли перед входом, оба скрестив руки на груди и гипнотизируя это название, будто еще немного, и оно могло бы что-нибудь сказать. Пожелать удачи, например.

Но люминесцентные лампы заговаривать с кем-либо не пожелали, так и продолжая молча висеть на положенном им месте.

– Ай-ай-ай, шея затекла... – выдал Минкё, только сдвинувшись с места.

– Это здесь 8 Авеню, 22?

Позади друзей раздался новый голос. Резко обернувшись, почти синхронно, они увидели перед собой невысокого парня в спортивной куртке, с крашеными светло-каштановыми волосами и с помятым листочком в руке.

– Ву Йи-фэй? – воскликнул Чонсу после секундного замешательства. – Ты все-таки решил прийти? А я уж думал...

– Пока больше интересных предложений не поступало, – прервал его он.

– За полдня-то...

– Приятно познакомиться! – перебил диалог Минкё, не стерпев долгого игнорирования себя. – Шин Минкё, можно просто «босс».

Чуть усмехнувшись при последней фразе, он протянул руку для рукопожатия. Йи-фэй еще несколько мгновений смотрел с подозрением то на руку, то на самого ее владельца, прежде чем принять это самое рукопожатие.

– А, точно, я забыл тебе сказать... – начал Чонсу, спохватившись.

– А ты всегда все забываешь, – так же улыбаясь, сквозь зубы проговорил Минкё в сторону друга. – Ну, будешь у нас сегодня заправлять на кухне, – обратился он к Йи-фэй.

– Но я не...

– Времени нет, осталось всего две минуты. Пойдем, – не слыша никаких возражений, тоном начальника сказал Минкё.

Перед самым входом Йи-фэй остановился, еще раз полностью окинув взглядом все здание, немного недоверчиво, будто все это был заблудившийся мираж в одном из самых крупных городов мира.

– И это заведение, правда, твое? – решил удостовериться он еще раз.

– Наполовину, – просто ответил Чонсу.

– Нехило...

Дверь закрылась за Ву Йи-фэй, маленьким человеком с большими сомнениями. Не терпящим возражений тоном Минкё отправил его на кухню, еле удержавшись от повелительного указующего жеста. Йи-фэй так и не смог сказать, что все его кулинарные подвиги ограничивались лишь заваркой лапши. Возражать начальнику в первый день работы было в его сознании самым большим безрассудством, что можно было бы совершить. А Минкё он стал воспринимать именно как начальника, несмотря на то, что сам был старше его на пару лет. Самому же начальнику, впрочем, как и его другу, пришлось надеть форму официанта.

Солнце поднялось настолько, что искусственное освещение было уже совсем не нужно – так ярко оно светило. Стрелки часов по обоюдному согласию показывали восемь часов утра. Табличка, которую Чонсу еще давно захватил из большой кучи таких же на одной из распродаж, на прозрачной двери была перевернута на «открыто».

– Ну что ж... Let's go! – громко и воодушевляюще сказал Минкё.

Минута, две... Они, правда, думали, что, только табличка на двери будет перевернута, посетители образуются сами собой, но...

Пять, шесть... Минкё задумчиво барабанил пальцами по столешнице, изредка поглаживая на автора идеи этого авантюрного дела. Сам автор идеи задумчиво смотрел в окно. Новоиспеченный работник Йи-фэй с систематической регулярностью выходил в главный зал, спрашивая, не нужно ли ему чего-то сделать, а владельцы с завидной регулярностью в ответ на это отрицательно мотали головами.

Тихо... Такую тишину в разгар рабочего утра редко можно встретить в таком крупном мегаполисе, поэтому ее совсем не хотелось нарушать даже разговорами, которые, впрочем, и так были не нужны.

– Ни каша, ни кашаца*... – задумчиво пробубнил под нос Минкё. – И как нам заработать нужную сумму?

– Какую сумму? – переспросил Чонсу.

– Да так, никакую. Забудь.

– Как так – забыть? Нет уж, говори до конца.

– Я же сказал, не важно...

– Важно!

– Это... у вас открыто? – раздался голос еще одного человека.

Друзья, как по команде, разом обернулись в сторону вошедшего. За начинающим зарождаться спором они и не заметили, как открылась дверь, пропуская их первого посетителя. И вот перед ними стоял их первый клиент, которого они так ждали.

– Да-да, конечно, проходите! – Первым опомнился Чонсу.

Он подскочил со стула и в две секунды уже оказался около посетителя, как всегда поклонившись по привычке. Мужчина, в темном костюме и дипломатом в руке, лет этак около пятидесяти, с начинающим подавать первые признаки существования третьим подбородком, посмотрел на это с удивлением, которое тут же исчезло через две секунды.

– Обычно у нас много посетителей, – подключился Минкё, – но сейчас еще утро, пока никого нет, так что для вас свободен любой столик. Где желаете сесть?

– Пожалуй, у окна, – просто ответил мужчина.

Без лишних слов Минкё провел его к столику, который отвечал всем параметрам заказа клиента и положил перед ним меню.

– Сегодня у нас день французской кухни, – добавил он.

– О, неплохо, неплохо... Люблю французскую кухню.

Раскрыв меню, мужчина некоторое время читал написанные в нем названия блюд. Минкё отошел, чтобы не мешать такому важному делу.

– А вот это название жю... «Жюльен» от Сореля** – это что? – вдруг спросил мужчина.

– Это... – начал на ходу говорить Минкё, снова подходя к нему с блокнотиком в руке, – это французский жульен с особым секретным ингредиентом от нашего шеф-повара. Получается фантастический вкус.

При этих словах со стороны кухни донесся еле слышный кашель, будто кто-то подавился кусочком сухарика.

– Вот как... Тогда его, а еще улиток по-бургундски и конде из бананов.

– Напитки? – уже не так уверенно спросил Минкё.

– Чай.

Забыв еще раз прочитать заказ, как делает это любой уважающий себя официант, Минкё пошел на кухню, медленно, но верно начиная бледнеть. Чонсу только проводил друга тревожным взглядом, оставшись в зале.

Зайдя в маленький закуток, называемый кухней, Минкё положил блокнот на тумбочку перед Йи-фэй, который так и стоял с пакетиком сухариков в руке, не делая ни малейшего движения, что продолжалось по меньшей мере минуты две.

– Вот. Сможешь что-нибудь из этого приготовить?

– Впервые слышу такие названия. Что это за Жюльен от... что-то там?

– Моя любимая книга... То есть блюдо такое.

– А сам-то приготовить не можешь?

В ответ Йи-фэй достался только тяжелый взгляд весом с десятков тонн. Еще немного поразмыслив, он достал из кармана телефон и начал со скоростью света набирать что-то на дисплее.

– Что ты делаешь?

«Там долго еще?» – донесся недовольный голос из главного зала. «Скоро уже принесут первое блюдо, еще пару минут», – тихо произнес Чонсу. Дело принимало крутой оборот.

– Рецепт в интернете ищу... О, вот! Для того, чтобы приготовить жульен, сначала нужно обжарить овощи и добавить их в заранее приготовленный бульон... – начал зачитывать Минкё. – Затем...

– Чушь. Там всегда чушь пишут. Чтобы приготовить ваш жульен, нужно наоборот влить бульон к овощам.

При этих словах Минкё оторвался от экрана телефона и поднял голову, встретившись взглядом с Майклом. Он будто из-под земли вырос – Минкё мог бы поклясться, что не слышал ни единого шага, ни единого шороха. У него будто от сердца отлегло, в то же время закипала злость, способная разрушить пол Манхеттена. Он был готов броситься обнимать своего знакомого и одновременно с этим жутко хотел сломать ему пару костей.

– Все-таки явился? – кое-как справившись с распирающими изнутри эмоциями, проговорил Минкё.

– Как видишь. – Майкл развел руками в стороны. – Я так понимаю, у нас мало времени? Так, где у вас овощи?

Минкё показал на большой холодильник около дальней стены у окна.

Дальнейшие события проходили при минимуме слов и максимуме действий. Половину недостающих ингредиентов компенсировал Йи-фэй, пару раз сбегав в ближайший супермаркет. Чонсу продолжал обещать, что заказ принесут вот-вот, а Минкё старательно выполнял все указания Майкла, благо, они были ему по силам. Секунды, сливающиеся в минуты, протекающие безвозвратно и очень быстро, уносили с собой капли терпения клиента, и уже никакое золотое веселое солнце не смогло бы вернуть ему хорошего расположения духа.

– Позовите мне хозяина заведения, – наконец сказал мужчина.

– Ну, это... – Чонсу затруднялся ответить. – Это я и...

– Хочешь сказать, ты? Простой официант?

– Я и...

– И Мэтт Шин, то есть я, – сказал Минкё, выходя из жаркой кухни и неся первое блюдо. – Приносим глубочайшие извинения за ожидание.

Он поставил жульен, который уже вряд ли кому-то мог принести радость своим аппетитным видом, перед мужчиной. Он еще с полминуты подозрительно оглядывал блюдо со всех сторон, прежде чем взять ложкой маленький кусочек. Двое друзей с замиранием сердца наблюдали за его реакцией. Довольное выражение от наконец-то приготовленного заказа вдруг начало медленно исчезать с его лица.

– Что это?

– Это ваш заказ, жульен с...

– Все, что угодно, но только не это. Он не должен быть таким кисло-сладким.

– А я вам говорю... – начал закипать Минкё.

– Позовите мне сюда вашего шеф-повара.

Сердитый вид мужчины не оставлял никаких надежд на возражения. С убитым видом Минкё снова потащил себя в сторону кухни. Солнце еще не достигло зенита, а он уже чувствовал себя разбитым и уставшим, словно дня два не спал. Как только он зашел на кухню, на него уставились две пары внимательных глаз, выражающих немой вопрос: как там?

– Он требует, чтобы ты вышел, – подавленно сказал Майклу Минкё. – Говорит, приготовил не так.

– Что говорит? Да он у меня...

– Тсс... – Минкё приложил указательный палец к губам. – Хотя бы в первый день не надо этого.

– Тогда что?

– Есть у меня идея, – неожиданно сказал Йи-фэй. – Только нужно...

Дальнейший план обсуждался только крайне тихим шепотом, таким тихим, что порой и сами они не слышали, кто что сказал.

*Ни каша, ни кашница – пословица, означает: «совсем никуда не годится»

**«Жюльен» от Сореля – Жюльен Сорель, главный герой романа Стендаля «Красное и черное».

В приоткрытое окно врывались потоки теплого солнечного света, путешествующего верхом на легких крыльях, сотканных из ласкового ветерка. Утро было в самом разгаре, и все чаще мимо многочисленных окон мелькали прохожие, не оставляющие никакого заметного следа в сознании. По меньшей мере, в сознании одного человека, находящегося в помещении, мимо окон которых проходили эти незамеченные им люди, потому что перед ним стоял самый настоящий французский повар с самым настоящим французским акцентом и вежливо интересовался тем, что именно ему не понравилось в его блюде. Довольно молодой и одетый в изысканную поварскую униформу, он иногда поправлял свой шейный платок, от которого доносился легкий запах явно дорогого парфюма.

Вначале совсем не доверяя своему новому собеседнику, посетитель все больше убеждался в своей полной неправоте. Вроде бы и говорит убедительно, и сам вроде бы из Франции, и, к чему греха таить, жульен получился у него самым вкусным из тех, что он пробовал, несмотря на все свои претензии.

– Bon appétit! – по окончании разговора сказал шеф-повар.

Коротко извинившись еще раз перед французом, посетитель взял все свои слова назад, раскаявшись в своей критике, и начал, уже спокойно, доедать свой заказ.

За все следующее время этого нелегкого дня, когда солнце ни на минутку не было заслонено малейшим облачком, в кафе зашло еще около двух десятков посетителей. Катастрофически мало для известного ресторана, но для только что открывшегося кафе в самый раз. Подобных инцидентов, как утром, больше не случалось. Остальные посетители были не столь искушены во французской кухне, чтобы пересчитывать израсходованные при готовке крупинки соли. Но повара пожелали видеть в зале еще раз, хотя уже для того, чтобы лично выразить свою признательность его мастерству. Он принял похвалы со скромным видом, а на вопрос, как его имя, чтобы потом порекомендовать его своим знакомым, ответил «Мишель Селени».

К концу двадцать второго дня седьмого месяца в маленьком заведении на задворках Манхэттена все его обитатели валились с ног, и еле хватало сил, чтобы дойти до входной двери, чтобы перевернуть табличку на «закрыто». День этот продолжался намного дольше, чем глаголило название, закончившись около одиннадцати вечера, и замечаниями по поводу того, что день этот все же надо сделать более менее нормированным.

– И все-таки как у нас вдруг получился французский повар? – спросил Чонсу, когда уже выключали свет и протирали последние столы. – Майкл, ты на самом деле из Франции?

– Это спасибо Джонни, – так Минкё назвал Йи-фэй, и так это имя и прицепилось, – и ближайшему магазину с костюмами для ролевых игр, – продолжал отвечать за Майкла Минкё. – Кстати, неплохая идея, совсем неплохая...

– А акцент такой откуда? Ты знаешь французский?

– Нет, – на сей раз ответил Майкл, – да и тот человек, думаю, тоже. Главное – убедительно коверкать слова на свой манер. А вообще, первое время я долго не мог избавиться от этого акцента...

– А откуда ты?..

Но на этот вопрос ответом послужил лишь громкий хлопок резко закрывшейся двери, которая стойко, но с большим трудом выдержала это испытание.

Солнце окончательно закатилось за дальнюю тонкую полосу, отделяющую чернеющую землю от темно-синего неба. Одна за другой где-то там, далеко-далеко вверх стали появляться первые тусклые звезды, просыпавшиеся из небесной коробочки хозяина неба. Такие ночи по своему определению всегда должны быть тихими, загадочными, спокойными... Но не эта.

Когда последняя работа была закончена и вымыта последняя тарелка, началась вечеринка с участием всего трех человек, хотя шуму они делали за десятерых. Вначале наотрез отказывавшийся Йи-фэй был уговорен с двух сторон остаться под предлогом, что втроем всегда веселей, да и вообще, не отметить удачный конец первого рабочего дня попросту архипреступно. Был уничтожен львиный запас продовольствия, в особенности то, без чего не обходится каждая вечеринка, то есть всяческих напитков.

– Как дети малые... – пробормотал Йи-фэй, поудобней располагая свою голову на свернутую джинсовую куртку, служащую заменой подушке. Посиделки продолжались долго, примерно до двух часов ночи, поэтому новое место работы было единственным вариантом того, где провести ночь.

Минкё и Чонсу устроились неподалеку, не в силах дойти до второго этажа.

Убывающая луна, бледная и уставшая, заинтересованно глядела в большие окна.

Следующий день оказался не таким сложным и выматывающим, притом, что было единогласно принято решение о начале работы в десять часов утра и конце рабочего дня через двенадцать часов. Это лишало кафе возможности принимать голодных ранних птишек, но в то же время выгодно определяло временные границы. Особенно кстати это пригодилось на следующий день, когда голова напоминала Иерихонскую трубу, причем, плохо отлаженную и заржавевшую, вследствие чего единственным здравомыслящим человеком во всем заведении был Майкл, которому на добрую половину суток снова пришлось превратиться во француза.

Этот день прошел почти так же, как и предыдущий, за исключением новизны впечатлений и немного увеличенной доли адреналина и, может быть, одного посетителя. Только увидев его, Минкё подумал, что гость этот зашел не случайно, более того – от самого господина Лу. Догадка эта была подобна острой иглолке, ощущения от прикосновения которой остаются еще довольно долго. То, что за ними наблюдают, вызывало не совсем приятные впечатления.

Конец этого дня не был ознаменован такой шумной вечеринкой, как в предыдущий вечер, и даже Йи-фэй решил провести ночь у себя дома, так и не рассказав какой он, этот его дом. Поэтому, когда табличка на двери была перевернута на «закрито», кафе опустело совсем, не выпуская только своих двух вечных обитателей, которые, собственно, и превратили его в кафе, не позволив ему продолжать оставаться простым заброшенным двухэтажным отелем. Да и они скоро перестали воспринимать реальную действительность этого маленького здания, отправившись освобождаться от оков усталости, накопившейся за последние двенадцать часов, на второй этаж, где стояли два подержанных кресла и диван, который вызывал вполне обоснованные подозрения о том, что был создан еще до их рождения, что не мешало устраивать каждый раз бои за право спать на нем. Ночь тиха...

Было около трех часов ночи, когда Минкё, проснувшись, первым делом бросил взгляд на электронные часы. Ни о чем не задумываясь, он бы перевернулся на другой бок (вакантное место на диване сегодня досталось ему), но уж очень хотелось пить. Поэтому, не в силах бороться с жаждой, он спустился вниз за стаканом воды. Ему снился крайне захватывающий сон, поэтому он спешил добраться до кухни, утолить жажду и вернуться к мягкой подушке, чтобы досмотреть его до конца, но...

Темная кучка тряпок, лежащая около стены, прямо под окном, пошевелилась, только он спустился на первый этаж. Сначала мысленно обругав всех предполагаемых субъектов, оставивших за собой такой беспорядок, Минкё быстро налил себе стакан воды и уже с наслаждением отпил несколько глотков, только после этого осознав, что тряпки эти живые и даже дви-

гаются. Как можно тише он вышел обратно в главный зал, присмотревшись к кучке тряпок повнимательней. Посмотрев некоторое время, угадал размеренное дыхание. В горле пересохло еще больше, чем было до этого, и он чуть не выпустил стакан из рук. Вдруг вспомнилась та глупая статья, над которой он смеялся, когда редактировал. Теперь задумался над ней всерьез – вдруг, и правда, здесь гости из другого далекого мира?

Он подошел ближе, немного наклонившись над этим нечто. Нечто медленно перевернулось, позволив Минкё увидеть в свете фонарей и тусклой луны девичье лицо, от такого освещения казавшееся еще бледнее, чем сама луна. Дыхание перехватило, потом он резко и громко вдохнул воздух. Девушка открыла глаза, еще несколько секунд была неподвижна, потом хотела закричать, но закрыла себе рот обеими руками. Стакан все-таки оказался на полу.

– Ты кто? – первое, что пришло в голову, спросил Минкё.

Вместо ответа девушка быстро собирала свои вещи и уже хотела сбежать, но Минкё успел схватить ее за руку.

– Еще раз спрашиваю, кто ты? Откуда?

Молчание. Добиться слова от этой девушке было равно тому же, что и от камня. Так все и продолжалось – он держал ее за локоть крепкою хваткой, а она молчала, изредка пытаясь вырваться.

– Так и будем продолжать в молчанку играть? – не выдержал Минкё.

Снова молчание.

– Ты что шумишь? Я тут, как кимчхи из лука*, а ты мне еще и спать не даешь, – начал Чонсу, спускаясь с лестницы и на ходу протирая глаза. – И тебе...

Он осекся, увидев еще одну непрошеную фигуру. Через две секунды помещение было освещено со всех сторон, после чего он отошел от выключателя и внимательнее рассмотрел немую сцену.

– Да ты та самая!.. – через несколько мгновений узнал он девушку. – Та, которую я тогда утром встретил, да?

Она снова не ответила, но вырваться уже перестала, просто спокойно стояла, так что Минкё со временем ослабил хватку, а потом и вовсе отпустил. Девушка ни на шаг не сдвинулась с места.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.